

Ч и т а й т е в с е р и и

Дж. М. Кутзее

Детство Иисуса

Дж. М. Кутзее

Сцены из провинциальной жизни

Дж. М. Кутзее

Медленный человек

Дж. М. Кутзее

Школьные дни Иисуса

Дж. М. Кутзее

Осень в Петербурге

Дж. М. Кутзее

Элизабет Костелло

Дж. М. Кутзее

Толстой, Беккет, Флобер и другие.
23 очерка о мировой литературе

Р. Флэнаган

Узкая дорога на дальний север

Р. Флэнаган

Смерть речного лоцмана

Р. Флэнаган

Желание

Р. Флэнаган

Неизвестный террорист

Т. Моррисон

Возлюбленная

Т. Моррисон

Боже, храни мое дитя

Т. Моррисон

Любовь

Т. Моррисон

Песнь Соломона

Д. Лессинг

Марта Квест

М. Этвуд

Слепой убийца

Б. Дилан

Хроники

Б. Дилан

Тарантул

Т. Т. Энг

Сад вечерних туманов

И. Макьюэн

В скорлупе

И. Макьюэн

Цементный сад

П. Бейти

Продажная тварь

П. Фицджеральд

Книжная лавка

П. Фицджеральд

В открытом море

М. Конде

Я, Титуба, ведьма из Салема

Жан-Мари Гюстав Леклезю

Битна, под небом Сеула

Жан-Мари Гюстав Леклезю

Африканец

Т. Моррисон

Самые голубые глаза

Тони
Моррисон

Самые голубые глаза

Москва
2020

УДК 821.111-31(73)
ББК 84(7Coe)-44
М80

Toni Morrison
THE BLUEST EYE

Copyright © 1970 by Toni Morrison

Перевод с английского *И.А. Тогоевой*

Разработка серии и иллюстрация на переплете *К.А. Териной*

Дизайн переплета *А.Г. Саукова*

Моррисон, Тони.

М80 Самые голубые глаза / Тони Моррисон ; [перевод с английского И. А. Тогоевой]. — Москва : Эксмо, 2020. — 352 с. — (Лучшее из лучшего. Книги лауреатов мировых литературных премий).

ISBN 978-5-04-108294-9

В этом романе Тони Моррисон показывает темное закулисье маленького американского городка, где живет Пикола Бридлав, единственная мечта которой — голубые глаза.

Красота — понятие относительное, но для Америки 40-х годов черной красоты не существует.

Моррисон рассказывает сотканную из лоскутов трагедий, невежества, предрассудков историю чернокожей девочки, желающей одного — чтобы на нее взглянули по-другому.

А еще — истории множества других людей: ее родителей, одноклассников, знакомых. Перед нами чередой проходят события, которые перевернули жизнь Пиколы навсегда.

Есть книги, читать которые — больно. Но это боль исцеляющая, потому что о чем бы ни писала Моррисон, все ее книги — о любви.

УДК 821.111-31(73)
ББК 84(7Coe)-44

© Тогоева И., перевод на русский язык,
2020

© Издание на русском языке, оформление.
ООО «Издательство «Эксмо», 2020

ISBN 978-5-04-108294-9

*Тем двоим, что дали мне жизнь,
и тому единственному человеку, который
сделал меня свободной*

Вот их дом. Он зеленый с белым. А дверь красная. Он очень хорошенький. Вот семья, что живет в этом бело-зеленом домике. Мать, отец, Дик и Джейн. Они очень счастливы. Это Джейн. У нее красное платьице. Она хочет играть. Кто будет играть с Джейн? Это их кошка. Она мяукает. Иди сюда, поиграем. Иди, поиграй с Джейн. Но котенок играть не желает. Это мать. Она очень милая. Мама, ты поиграешь с Джейн? Мать смеется. Смейся, мама, смейся. Это отец. Он большой и сильный. Папа, ты поиграешь с Джейн? Отец улыбается. Улыбайся, папочка, улыбайся. Это их собака. Собака лает. Ты хочешь поиграть с Джейн? Видите, собака убегает. Беги, собака, беги. Смотрите, смотрите. Это идет один из друзей. Друг поиграет с Джейн. Они будут играть в хорошую игру. Играй, Джейн, играй.

Вот их дом он зеленый с белым а дверь красная он очень хорошенький вот семья что живет в этом бело-зеленом домике мать отец

дик и джейн они очень счастливы это джейн у нее красное платье она хочет играть кто будет играть с джейн это их кошка она мяукает иди сюда поиграем иди поиграй с джейн но котенок играть не желает это мать она очень милая мама ты поиграешь с джейн мать смеется смейся мама смейся это отец он большой и сильный папа ты поиграешь с джейн отец улыбается улыбайся папочка улыбайся это их собака собака лает ты хочешь поиграть с джейн видите собака убегает беги собака беги смотрите смотрите это идет один из друзей друг поиграет с джейн они будут играть в хорошую игру играй джейн играй

Вот их дом зеленый белый ма дверь красная она очень хороша маленький вот семья что живет в этом бело-зеленом домике мать отец дик и джейн они очень счастливы это джейн у нее красное платье она хочет играть кто будет играть с джейн это их кошка она мяукает иди сюда поиграем иди поиграй с джейн котенок играть не желает это мать она очень милая мама ты поиграешь с джейн мать смеется смейся мама смейся это отец он большой и сильный папа ты поиграешь с джейн отец улыбается улыбайся папочка улыбайся это их собака собака лает ты хочешь поиграть с джейн видите собака убегает беги собака беги смотрите смотрите это идет один из друзей друг поиграет с джейн они будут играть в хорошую игру играй джейн играй

Пока это так и осталось для нас тайной, но осенью 1941 года бархатцы ни у кого не цвели. Нам-то казалось, что у нас они не зацвели и даже не взошли, потому что Пикола была беременна от своего отца. Если бы мы провели самое пустяковое расследование и поменьше грустили, то поняли бы, что бархатцы не взошли не только у нас; ни в одном саду той осенью бархатцев не было. Даже в тех, что выходят к озеру. Но мы были настолько озабочены тем, чтобы Пикола благополучно родила здорового ребеночка, что ни о чем другом и думать не могли; и потом, мы были уверены в своей магии: если уж мы посадили семена и правильные слова над ними сказали, так они непременно должны были и взойти, и расцвести. И тогда все было бы хорошо. Лишь много времени спустя мы с сестрой догадались, что никаких всходов наши семена не дадут. И сразу принялись облегчать собственное чувство вины в бесконечных спорах, взаимных обвинениях и попытках выяснить, кто же все-таки виноват. Много лет я считала, что моя сестра была права и это я совершила ошибку, посеяв семена слишком глубоко. Нам обеим даже в голову не приходило, что сама земля могла отказаться родить. Мы посеяли семена на нашем собственном клочке черной земли точно так же, как посеял свои семена у себя отец Пиколы. Наша невинность и вера оказались не более плодотворны, чем его вожделение и отча-

Тони Моррисон

яние. Теперь ясно лишь одно: та надежда, вера, похоть, любовь и печаль ничего не дали; остались лишь Пикола да упрямо не желавшая плодоносить земля. Чолли Бридлав умер; умерла и наша невинность. Наши семена, так и не взойдя, погибли в земле; погиб и ребенок Пиколы.

Тут и сказать-то на самом деле больше нечего — разве что «почему?». Но поскольку на этот вопрос ответить очень трудно, стоит, пожалуй, укрыться за словом «как».

Осень

Монахини проходят мимо, неслышные, как похоть, и пьяные мужчины с трезвыми глазами поют в лобби греческого отеля. Розмари Виллануччи, наша ближайшая соседка, — она живет над кафе, принадлежащем ее отцу, — сидит в «Бьюике» выпуска 1939 года и ест хлеб с маслом. Опустив окно, она высовывается и говорит нам, моей сестре Фриде и мне, что мы-то в машину сесть не можем. Мы смотрим на нее: нам тоже хочется хлеба с маслом, но еще больше нам хочется дать ей в глаз, чтобы вдребезги разнести эту наглую физиономию, на которой написана гордость собственницы, прямо-таки брызжущая из ее жующего рта. Ничего, пусть только вылезет из машины! Уж мы эту противную Розмари так поколотим, что вся ее белая кожа будет в красных отметинах, а сама она будет плакать и спрашивать, не надо ли, чтобы она сама свои штаны спустила. Мы гордо скажем «нет», хотя понятия не имеем, что должны почувствовать или сде-

лать, если она действительно их спустит. Но, когда она у нас об этом спрашивает, мы все же понимаем: она предлагает нам нечто весьма ценное, а потому все подобные предложения гордо отвергаем.

Занятия в школе уже начались, и мы с Фридой получили новые коричневые чулки и пьем рыбий жир. Взрослые усталыми нервными голосами обсуждают дела угольной компании «Зик» и заставляют нас ходить вечером на железнодорожные пути, прихватив мешки из грубой дерюги, и собирать там мелкие куски угля. А когда мы возвращаемся домой, то, оглянувшись, видим, как в овраг, что тянется вокруг сталеплавильного завода, вываливаются целые огромные вагоны огненно-красного дымящегося шлака. Сполохи неяркого тускло-оранжевого огня так и вспыхивают в небесах. Мы с Фридой тащимся позади всех и все оглядываемся на эту полосу оранжевого света, окруженную чернотой. И неизменно начинаем дрожать, когда наши босые ступни перестают чувствовать под собой гравиевую тропу и входят в заросли ледяной пожухлой травы на поле вокруг нашего дома.

Дом у нас старый, холодный, выкрашенный зеленой краской. По вечерам одну-единственную большую комнату освещает керосиновая лампа. В остальных помещениях царит тьма и шуршат тараканы и мыши. Взрослые с

нами не разговаривают — они *дают нам указания*, которые, впрочем, никак не объясняют. Если мы споткнемся и упадем, они лишь с удивлением взглянут на нас; если кто-то из нас случайно порежется или сильно ушибется, они только спросят: «Вы что, спятили?» Когда мы простужаемся, они с негодованием качают головой, считая, что не заболеть у нас «попросту ума не хватило». Как, спрашивается, говорят они, можно что-то сделать, если вы все время валяетесь больные? Разумеется, на это мы ничего ответить не можем. Нашу болезнь лечат презрением, вонючим слабительным из александрийского листа и касторовым маслом, от которого у нас совсем тупеют мозги.

Как-то раз, на следующий день после похода за углем на железнодорожные пути, я довольно сильно закашлялась — бронхи у меня уже были напрочь забиты мокротой, — и мать, нахмурившись, велела: «О господи, полезай-ка снова в кровать! Сколько раз мне говорить, чтоб ты голову чем-нибудь покрыла? Да куда там, другой такой дуры во всем городе не сыщешь! Фрида, отыщи какую-нибудь тряпку да заткни щель в окне».

Фрида старательно затыкает оконную щель, а я снова тащусь к кровати, исполненная чувства вины и жалости к себе. В постель я ложусь, почти не раздеваясь, и металлические застежки на резинках для чулок больно

врезаются мне в ноги, но снять чулки я не решаюсь — без них лежать слишком холодно; я и так с трудом ухитрюсь согреть себе крохотное местечко в форме собственного тела. А потом я даже шевельнуться боюсь, ибо уже в паре сантиметров от границ нагретого места начинается зона холода. Никто со мной не разговаривает, не спрашивает, как я себя чувствую. Но где-то через час или два мать все же подходит ко мне и своими большими грубыми руками начинает с силой растирать мне грудь жгучей мазью «Викс». Я прямо-таки застываю от боли. Мать щедро зачерпывает мазь двумя пальцами и трет, трет мои несчастные ребра, пока я чуть ли сознание не теряю. И в тот самый момент, когда мне кажется, что я не выдержу и сорвусь в крик, мать подцепляет пальцем еще немного мази, сует мне в рот и требует, чтобы эту порцию я проглотила. Затем шею и грудь мне туго обматывают нагретой фланелью. Наваливают на меня несколько тяжелых одеял и велят потеть, что я немедленно и делаю.

А чуть позже меня выворачивает наизнанку, и мать недовольно ворчит: «Что ж ты прямо на простыни-то блюешь? У тебя что, совсем мозгов не осталось? Не могла голову с кровати свесить? Глянь, что натворила? Думаешь, мне делать больше нечего, кроме как твою блевотину отстирывать?»

Лужица рвоты сползает с подушки на серо-зеленую, с оранжевыми крапинками, простыню. Она переливается медленно, как недоваренное яйцо, которое упорно не желает расплзаться и пытается сохранить свою форму. Во всяком случае, эта масса явно не стремится быть поскорее убранной. Странно, думаю я, как это блевотине удастся выглядеть одновременно и такой аккуратной, и такой противной?

А мать нудным голосом все продолжает разговаривать, но не со мной, а с блевотиной, и почему-то называет ее моим именем: Клодия. Она тщательно вытирает мерзкую лужу и кладет на мокрое место, оказавшееся довольно-таки обширным, сухое колючее полотенце. Я снова ложусь. Тряпки уже снова вывалились из трещины в оконной раме, из окна дует, в комнате ужасно холодно. Но я не осмеливаюсь ни снова позвать мать, ни встать сама, покинув нагретое местечко. Материн гнев унижает меня; у меня даже щеки горят от ее слов, и я плачу, не понимая, что сердится мать не на меня, а на мою болезнь. Но мне кажется, что она презирает меня за слабость, за то, что я позволила болезни в меня пробраться. Ничего, вскоре я болеть перестану; попросту откажусь это делать! А пока что я плачу от собственного бессилия, хоть и знаю, что так сопли потекут еще сильнее, но остановиться все равно не могу.